

ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА

Розглядаються форми оповіді та засоби актуалізації особистості автора-оповідача в романах І.О. Гончарова.

Ключові слова: *форма оповіді, автор-оповідач, розповідач, персоніфікація, достовірність, суб'єктивність.*

Художественный мир произведения, являясь моделью мира реального, всегда – эксплицитно или имплицитно – содержит разнообразные формы авторского присутствия. Исследованию форм и способов выражения авторской позиции в художественном произведении посвящены работы многих современных исследователей: А.Л. Гришунина [2], Н.В. Драгомирецкой [3], Н.А. Кожевниковой [4], Ю.В. Манна [5], Н.Д. Тамарченко [7] и др. Одним из главных способов выражения позиции автора признается форма повествования, избираемая писателем для своего произведения. Цель данной статьи: установить своеобразие авторской позиции в художественном мире И.А. Гончарова посредством анализа форм повествования в романах „Обыкновенная история”, „Обломов”, „Обрыв”.

Повествовательная организация романов И.А. Гончарова представляет собой достаточно сложный тип соотношения субъектных сфер – автор-повествователь (нарратор) не назван в тексте именем собственным, не выделяется стилистически, ему не дается конкретных характеристик, не отводится определенной роли в сюжете. В.В. Одинцов характеризует подобный композиционно-стилистический тип автора-повествователя в художественном произведении следующим образом: „Повествователь то строго объективен, то лиричен, то описывает или рассуждает, дает общий или крупный план, изображает события динамично или статично. Повествование может разнообразиться „голосами героев”. Другими словами, отношение автора к изображаемому подвижно, изменчиво” [6, с. 189].

В первом романе И.А. Гончарова „Обыкновенная история” одним из характерных признаков присутствия автора-повествователя является употребление личных местоимений и личной формы глагола: „Матушка, Аграфена Ивановна! – начал Евсей умоляющим голосом, обняв ее за талию, **сказал бы я**, если б у ней был хоть малейший намек на талию” [1, I, с. 35; далее цитируем по этому изданию: римская цифра обозначает том, арабская – страницу]. Степень участия автора-творца в произведениях с повествованием от первого лица зависит от степени персонификации, то есть от того, насколько он идентифицирует себя с

нарратором или желает такого рода идентификации со стороны читателя.

Еще одним средством актуализации личности нарратора в „Обыкновенной истории” является пространственно-временная организация повествования. Своеобразие временной авторской точки зрения отмечено большей частью ее синхронностью. Так, прошедшее время во фразе „И она жадно читала новую школу, вероятно, читает и теперь” [I, с. 227], ставит в один ряд и реальный мир, окружающий повествователя, и создаваемый им мир художественный; а будущее время в конце первой главы („А он? С ним мы встретимся в Петербурге” [I, с. 54]) создает иллюзию синхронной позиции автора-повествователя, находящегося как бы в том же времени, что и герой.

Авторское присутствие в „Обыкновенной истории” обозначается и непосредственным включением в повествование читателя, который представляется в романе как активный собеседник, самостоятельно оценивающий происходящие события, отражающий доверительное отношение автора-повествователя. Например: „Александр вышел, в каком положении – пусть судит читатель, если только ему не совестно будет на минуту поставить себя на его (Александра. – Е.Х.) место” [I, с. 273]. Свидетельством авторского присутствия в повествовании являются также редкие прорывы сочувственного авторского голоса к Лизавете Александровне, одной из героинь романа: „Бедняжка!” [I, с. 178]. Стиль автора постоянно соскальзывает с плоскости повествовательного изложения в сферу восприятия героини: „Лизавета Александровна чувствовала его умственное превосходство над всем окружающим и терзалась этим. „Если б он не был так умен, – думала она, – я была бы спасена...” Он поклоняется положительным целям – это ясно, и требует, чтоб и жена жила не мечтательною жизнью” [I, с. 178]. В художественной ткани романа широко используется смешение повествовательного стиля с несобственно-прямой речью, с внутренними монологами героев. Таким образом, анализ художественной ткани „Обыкновенной истории” позволяет выявить приближенность образа автора-повествователя к образу автора-творца романа. В „Обыкновенной истории” под условным „я” нарратора обнаруживается один из „ликов” автора, сознание которого обеспечивает цельность и единство романного мира.

Во втором романе И.А. Гончарова „Обломов” повествование также ведется от первого лица, но обозначенного местоимением „мы”: „Когда он был дома – а он был почти всегда дома, – он все лежал, и все постоянно в одной комнате, где мы его нашли...” [IV, с. 8]. Персонифицированный повествователь предполагает и персонифицированного читателя, которому адресован авторский текст. Такая взаимосвязь во многих случаях выражена специфическим употреблением местоимений „мы”, „наш”, подразумевающих одновременно и автора-повествователя, и читателя.

Своеобразие повествовательной организации „Обломова” особенным образом проявляется в финале романа, где перед читателем

являются друг детства Обломова, Андрей Штольц, слуга Ильи Ильича, Захар, и некий литератор, приятель Штольца „полный, с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными глазами” [IV, с. 446]. Организация повествования романа „Обломов” определяется сложным взаимодействием между героем Штольцем, выступающим в роли рассказчика, и „литератором с апатическим лицом”, который записывает историю жизни Ильи Обломова, услышанную им от Захара, а затем и от Штольца. Литератор, соединивший воедино все знания об Илье Ильиче для представления их как единой истории, наделяется способностью художественно достраивать образ Обломова. Таким образом, в финале романа неожиданно реализуется приём „лестницы” посредников. Благодаря литературной мистификации произведение словно переключается в художественно-документальную плоскость, следствием чего становится создание иллюзии достоверности, возникновение многосубъектности, позволяющей увидеть изображенное явление со всех сторон.

Этот авторский прием – материализация автора-повествователя под занавес – не является неожиданностью, можно даже сказать, наоборот. По всему роману рассеяны знаки присутствия повествователя, он свободно проникает в мир романного действия и активно проявляет себя в нем. Неоднократно используются повествователем местоимения „мы”, „наш”, призванные подчеркнуть общность его интересов с читателем: „Где **мы**? В какой благословенный уголок земли перенес **нас** сон Обломова?” [IV, с. 101]; „Слушая от няни сказки о **нашем золотом руне...**” [IV, с. 121]; „Ощупью жили бедные предки **наши...**” [IV, с. 121]. Повествователь как бы приглашает принять участие в беседе потенциального читателя, стремится связать себя с ним: „Как шел домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу!” [IV, с. 8]; „Исстрадался Илья Ильич от страха и тоски на службе и при добром, снисходительном начальнике. Бог знает, что случилось бы с ним, если б он попался к строгому и взыскательному!” [IV, с. 59].

Ироничные, полушутливые выпады против персонажей почти во всех случаях также непосредственно адресованы читателю: „На беду, Андрюша отлично учился, и отец сделал его репетитором в своем маленьком пансионе” [IV, с. 159]; „Но Обломов не уехал ни через месяц, ни через три. ... Вот уж август, Штольц давно в Париже, пишет к нему неистовые письма, но ответа не получает. Отчего же? Вероятно, чернила засохли в чернильнице, и бумаги нет? Или, может быть, оттого, что в обломовском стиле часто сталкиваются *который* и *что*, или, наконец, Илья Ильич в грозном клике: *теперь* или *никогда* остановился на последнем, заложил руки под голову – и напрасно будит его Захар” [IV, с. 191]. Повествователь неоднократно прерывает себя вопросами, создавая иллюзию непосредственного общения с читателем: „Зачем эти два русских пролетария ходили к нему?” [IV, с. 42]; „Что же он делал дома? Читал? Писал? Учился?” [IV, с. 62]; „Что ж он делал?” [IV, с. 65]; „Захар заглянул в щель – что ж?” [IV, с. 77].

Итак, в романе „Обломов” неотступно ощущается присутствие автора-повествователя, которому доступны самые сокровенные уголки внутреннего мира персонажей романа. Он выступает как бы в качестве доверенного лица героев, а читателю отводится роль доверительного участливого слушателя. В романах И.А. Гончарова читатель не показан как конкретное лицо, однако благодаря тому, что обращение повествователя к читателю органично входит в структуру повествования, реакция последнего подчас раскрывается. В „Обломове” возникает условный образ читателя, позиция которого близка самому автору-повествователю. Между первым и вторым не только нет конфликта, но и обнаруживается „родство душ”, общность мировоззрений.

Композиция последнего романа И.А. Гончарова „Обрыв” (роман в романе) дает возможность организации повествования сквозь призму сознания героя Райского, который в произведении выступает не только как персонаж, наряду с остальными, но и как писатель – творец иной реальности. В „Обрыве” присутствует незримый автор-повествователь, не обозначенный личным местоимением, максимально удаленный от персонажей и приближенный к автору-творцу. Повествователь в романе не оставляет за собой существенного преимущества в избытке своего видения: именно такая позиция провоцирует героя на самораскрытие. В „Обрыве” воля автора-повествователя не подчиняет себе поведение героев, напротив, героям предоставлены свобода индивидуального самопроявления, возможность самоанализа. Закономерно при этом, что повествование ведется не только от лица повествователя, но и посредством восприятия героя Райского, который обнаруживает способность самостоятельно ориентироваться в пространстве художественного текста. Необходимо отметить, что герои романа не вступают в контакт с автором-повествователем (в тексте мы не встретим фрагментов, где бы велись разговоры нарратора с кем-то из персонажей), но повествование организовывается таким образом, что повествователь обладает способностью отвечать на вопросы, поставленные его героями. Самым ярким примером этого является, пожалуй, вопрос Райского: „А выстрел? – шептал он в ужасе, – а автор синего письма? Что за тайна! кто это?...” [VI, с. 166]. Вопросом „кто это?” завершается XXII глава третьей части, а в следующей, XXIII главе, автор-повествователь со знанием дела дает ответ герою: „А никто другой, как Марк Волохов...” [VI, с. 166]. Важнейшей особенностью повествования в „Обрыве” является лёгкость перехода от голоса нарратора к голосам героев.

Эстетические взгляды автора-повествователя „Обрыва” и героя Райского то сближаются, то расходятся. Актуализация проблем, связанных с жанром романа, обусловлена авторским замыслом: не только показать несостоятельность Райского как романиста, но и отразить натуру художника в целом – „изобразить внутренность” ... кулисы художника и искусства”. У автора и героя обнаруживаются различные позиции по поводу определения природы романного жанра, роли жизненных впечатлений при создании художественного

произведения, отбора персонажей и т.д. Близость автора-повествователя и героя Райского подчеркивается портретными и пейзажными зарисовками, где их позиции часто совпадают.

Таким образом, форма повествования и позиция автора-повествователя в творчестве И.А. Гончарова проходит определенную эволюцию. Активное авторское начало в романах „Обыкновенная история” и „Обломов” проявляется в гармоничности композиционно-сюжетной организации, с созданием иллюзии синхронной позиции автора-повествователя, находящегося как бы в том же времени, что и герои. Проведенный анализ художественной ткани романов дает возможность выявить достаточно сложный тип соотношения субъектных сфер в повествовании – автор-повествователь ни в „Обыкновенной истории”, ни в „Обломове” не выступает в роли условного персонажа, но занимает позицию „не чужого” наблюдателя, способного и к состраданию, и к неодобрению героя. Роман „Обрыв” характеризуется совсем иной повествовательной стратегией. В повествование вводится герой-посредник Райский, который частично является объектом изображения, частично же – субъектом художественного видения. Герой то стоит в одном ряду с остальными персонажами, то поднимается до авторского видения событий, которые и даются в повествовании романа через его восприятие. В этом смысле Райский – герой рефлексирующий, что дает читателю возможность определить, какова точка зрения на что бы то ни было в романе – героя и какова – автора-повествователя.

1. *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8-ми т. – М.: Худож. лит., 1977–1980.
2. *Гришунин А.Л.* Автор как субъект текста // Известия Российской АН. Серия литературы и языка. – М., 1993. – Т. 52. – № 4. – С. 12-19.
3. *Драгомирецкая Н.В.* Автор и герой в русской литературе XIX-XX вв. – М.: Наука, 1991 – 382 с.
4. *Кожевникова Н.А.* Типы повествования в русской литературе XIX и XX века. – М: Институт рус. языка РАН, 1994. – 356 с.
5. *Манн Ю.В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / РАН Ин-т миров. литературы им. А.М. Горького; отв. ред. П.А. Гринцер. – М.: Наследие, 1994. – С. 431-478.
6. *Одинцов В.В.* Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 265 с.
7. *Тамарченко Н.Д.* Повествование // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учебн. пособие. – М.: Высш. шк., 1999. – С. 279-295.

Summary

The forms of the narration and the means of personal actuality of the narrator in the novels by Goncharov are considered in the article.

Key words: the form of the narration, narrator, teller, personification, authenticity, subjectivity.